

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIII

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(История, этнография, культура)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

Т. К. Шафрановская

**ЗАБЫТЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ КИТАЯ
НАЧАЛА XVIII в.**

С конца XVII в. в Китай направляется целый ряд русских посольств и торговых караванов. Участники посольств и караванов содействовали расширению географических, исторических и этнографических сведений о Сибири, Монголии и Китае, так как составляли подробные записи о совершаемых путешествиях. Описания народов, встречавшихся путешественникам на пути их следования, служили людям, «пристрастным ко нравам и обычаям своей Земли, разогнанию предубеждений, какие получили они противу народов, почитаемых ими варварскими, и которые почасту бывают таковыми гораздо менее, нежели почитающие себя просвещенными» [3, ч. 1, VIII].

К настоящему времени изданы описания путешествий [8; 11; 12] и статейный список Н. Г. Спафария (1675—1678) [9; с. 346—458], Избрanta Идеса и Адама Бранда (1692—1695) [4], опубликован дневник первого путешествия в Китай Лоренца Ланга (1715—1716) [10, с. 487—555], книга же Г. И. Унферцагта [18], побывавшего в Китае в 1719 г. в составе чрезвычайного посольства гвардии капитана Л. В. Измайлова, в настоящее время стала библиографической редкостью. На русский язык она не переводилась, и ей не было посвящено ни одного специального исследования.

Кроме перевода книги Г. И. Унферцагта, сделанного нами, удалось собрать и некоторые биографические данные о самом авторе записок. Георг Иоганн Унферцагт был художником и правером. Как художник, он и сопровождал посольство Л. В. Измайлова в Цинскую империю. После завершения посольства и отбытия его из Пекина Г. И. Унферцагт остался там вместе с торговым консулом Л. Лангом. В 1721 г. Л. Ланг отправил Г. И. Унферцагта в Россию для доставки туда обоев¹ и двух фарфоровых изразцовых печей, предназначавшихся, по всей вероятности, для строившегося тогда Петергофского дворца [18, с. 121, 132—133].

После возвращения из Китая Г. И. Унферцагт с 1729 по 1745 г. служил в Гравировальной палате Академии наук с жалованьем 300 руб. в год. Занятия его состояли в том, что он «резал на меди разные ландкарты. Притом же резал надписи и подписи на досках по-немецки, по-латыни, по-русски, по-французски» [6, с. 233]. Одновременно преподавал там же технику гравировальных работ [1, с. 5; 2, с. 155]. Сведений о дальнейшей судьбе Г. И. Унферцагта обнаружить не удалось. Известно лишь, что в 1746 г. Адмиралтейская коллегия сделала запрос у Академии наук об Г. И. Унферцагте: может ли он «быть употреблен к секретным делам» [6, с. 232].

Для истории ранних дипломатических отношений России с Китаем книга Г. И. Унферцагта представляет несомненный интерес. Она дополняет историю посольства Л. В. Измайлова. Автор обстоятельно описывает причины, помешавшие миссии Измайлова достичь желаемых результатов. Удалось получить лишь разрешение на пропуск в Китай русского торгового каравана и на пребывание в Пекине Л. Ланга (как агента для защиты торговых интересов России).

В настоящей статье мы приводим те материалы из записок Г. И. Унферцагта, которые характеризуют образ жизни китайцев, их обычаи и нравы первой четверти XVIII в. При изложении материалов мы группируем их таким образом, чтобы выявить, что ценного и интересного они дают в отношении этнографии и придворного церемониала.

Книга содержит ряд этнографических наблюдений о занятиях китайцев (земледелие, торговля, ремесло), о китайских свадебных и похоронных обрядах, религии, театре, празднествах (красочное описание Нового года и фейерверка), архитектуре, одежде, утвари и китайской кухне. О придворных церемониях можно судить по описанию аудиенций у богдыхана и приемов у лиц, близких ко двору. К придворному быту относятся и любопытные сведения о царской охоте.

Чтобы избежать повторений и показать, что именно нового дал Г. И. Унферцагт в своих записках, сведения Г. И. Унферцагта о Китае мы даем в сравнении с предыдущими описаниями путешествий (Н. Г. Спафария, И. Идеса, А. Бранда и Л. Ланга). Сам автор подчеркивает, что в его книге не повторяются факты, описанные уже И. Идесом, А. Брандом и Л. Лангом [18, с. 168]².

Сообщение о земледелии у Г. И. Унферцагта кратко. Он пишет, что китайцы снимают два урожая в год. Из злаков они знают пшеницу, ячмень, рис, и последний им служит вместо хлеба. Рожь им неизвестна. У них нет ни пяди свободной земли: вся она занята злаками, плодовыми деревьями, овощами и кореньями, которые китайцы употребляют в большом количестве, например чесноком, сельдереем, различными видами салата [18, с. 165].

Говоря о торговле, Г. И. Унферцагт описывает пекинский рынок фонарей и рынок фарфора. «На большом рынке, где продают фонари,— пишет Г. И. Унферцагт,— вывешено их неисчислимое количество. Все они красиво изготовлены и поражают разнообразием вида и стиля» [18, с. 128]. Что же касается рынка фарфора, то у И. Идеса мы находим более содержательное сообщение о таком рынке в г. Тунчжоу [4, с. 204].

Г. И. Унферцагт приводит любопытные примеры того, как на рынках торговцы не выкрикивают названия своих товаров, как это принято в Европе. Горшечник, чтобы привлечь покупателей, возит свой товар на тачке и при этом бьет в один из своих горшков. Продавец холста несет свой товар на спине и возвещает о своем появлении ударами маленького барабана. Продавец сластей бьет палкой в бубен и т. д. Так без зазывных криков торговцев покупатель узнает, что и где можно купить. Г. И. Унферцагт считает, что «это хороший выход из положения», так как при стечении огромной толпы на рынке, да еще и криках покупателям пришлось бы затыкать себе уши [18, с. 157]. Если судить по записям Н. Г. Спафария, то уличные торговцы этому правилу не следуют. Н. Г. Спафарий пишет: «И ходят по улицам и кричат, продаючи всякую мелочь и всякий товар» [11, с. 38].

Г. И. Унферцагт отмечает также, что китайские лавки на городских улицах расположены таким образом, что на одной улице можно купить только камчатку и различные шелковые ткани. На другой — шапки и шляпы, на третьей — только сапоги и чулки. Далее — одежду, мягкую рухлядь, фарфор, железо. А на других улицах продается только рыба или зелень и т. д.

Сведения Г. И. Унферцагта о торговле в Китае безусловно отрывочны и не полны, их нельзя сравнивать с широкой картиной торговых отношений, содержащейся в дневниках Л. Ланга. Л. Ланг — первый русский консул в Цинской империи; с 1715 по 1736 г. принимал активное и непосредственное участие в налаживании торговых отношений между Россией и Китаем, внес ряд конкретных предложений о способах развития торговли с Китаем [14, с. 15—16].

В Пекине, пишет Г. И. Унферцагт, ему показали «недавно заведенную» стеклодувную мастерскую. Мастера при нем выдули несколько красивых стеклянных изделий [18, с. 94]. Был он и в комнате, где сидело много мастеров, изготовлявших серебряные и золотые часы, а также математические инструменты [18, с. 97]. Представляется, что Г. И. Унферцагт одним из первых описал китайские стеклодувные и часовые мастерские. Основными поставщиками часов и математических инструментов были англичане [13, с. 30]³. У Н. Г. Спафария нет сведений о мастерских. Он пишет только о том, что в провинции Гуандун «обучились у португальцев делать стекло из пшена сорочинского, которое не так крепко, как наше стекло, однако добротой

хорошо. Обучились же и часы делать большие, а малые еще не знают и не могут еще сочинить» [11, с. 168].

Свадебный обряд Г. И. Унферцагт описывает подробно. Прежде всего, пишет он, посланные жениха идут к родителям невесты и сватаются. При этом они спрашивают, что умеет делать невеста, нет ли у нее какого-либо изъяна и умеет ли она петь. Затем туда же отправляется мать жениха (если родителей нет, то два его родственника или друга). Она (или они) знакомятся с невестой своего сына и заключает с родителями невесты соглашение. Назначают также день, когда невесту должны передать жениху.

В день свадьбы жених нанимает двое носилок, украшенных лентами. На носилках его доставляют к дому невесты, где к тому времени собрались уже гости, музыканты, актеры и скоморохи. Начинается пир, и продолжается он до вечера. Затем жених садится в одни, невеста — в другие носилки, и торжественная свадебная процессия направляется к дому жениха. Впереди идут музыканты, за ними скоморохи, дальше следуют два ряда людей, которые несут в лакированных ящиках приданое невесты. По прибытии на место жених и невеста отправляются отдыхать. Получив награду, расходятся музыканты, скоморохи и слуги, и на этом свадьба заканчивается.

Г. И. Унферцагт добавляет еще, что китайцы могут брать себе столько жен, сколько они в состоянии прокормить. Часто бывает так, что женщина содержит мужчину своим трудом, но тогда мужчина покупает и готовит для нее еду.

В отношении похоронного обряда Г. И. Унферцагт сообщает следующее: если кто-нибудь умирает, то во дворе умершего из лозы и циновки сооружают дом. Его увешивают веревками, лоскутками, флажками, чтобы все знали, что в доме есть покойник. Приглашают лам, которые приводят с собой музыкантов. Для них в изобилии готовится еда и питье. Покойника оплакивают, причем довольно весело. При выносе умершего впереди процессии идет человек и разбрасывает белые бумажные кружки с отверстием в середине. За ним следуют человек сорок, которые несут большое бревно, выкрашенное в красный цвет, с белым флажком наверху. Следом идут музыканты и скоморохи, которые веселятся, как на свадьбах. Дальше везут на повозке покойника. За повозкой едут или идут пешком друзья и родственники в белой траурной одежде, которые оплакивают умершего. На тех улицах, где покойник любил ходить при жизни, строятся легкие сооружения в форме дома из шестов и циновки, куда ставятся еда и питье, предназначенные для людей в трауре. Проходя мимо, те все съедают, блюда разбивают и поджигают сооруженный дом. При этом они «играют на музыкальных инструментах, воют и кричат, поют и вопят». Миновав все такие дома, процессия выходит за город. На положенном месте покойника сжигают и возвращаются в дом умершего. Траур длится

шесть недель, в течение которых в доме всегда держат угощение и по два часа днем и ночью играют на музыкальных инструментах. Описание похоронного обряда Г. И. Унферцагт заканчивает сообщением о том, что во время траура родственники и слуги покойника ходят заросшие: им не полагается стричь волосы⁴.

Только у Н. Г. Спафария говорится о свадебном обряде, но более кратко. Сообщения обоих авторов в основном совпадают, за исключением некоторых частных. Так, например, Н. Г. Спафарий пишет, что невеста и жених впервые встречаются друг с другом в доме жениха, невесту доставляют на носилках. «Жених ключом отворяет носилки, и тогда они видят друг друга» [11, с. 45].

Подробного же описания похоронного обряда нет даже у Н. Г. Спафария. Он лишь упоминает в нескольких местах о гробницах, которые строят в горах [11, с. 52, 80].

Сообщение Г. И. Унферцагта о том, что умерших сжигают, казалось нам недостоверным. Но Н. Г. Спафарий также говорит о том, что в провинции Юньнань «мертвых не кладут во гробы, но, по обычаю индийскому, сжигают» [11, с. 185]. Возможно, что сообщение Г. И. Унферцагта о сжигании трупов тоже основывается на сведениях, полученных им из этой провинции.

Сведения о религии в записках Г. И. Унферцагта сводятся к описанию изображений идолов в кумирнях, встречавшихся ему на пути, и отправлений богослужений в кумирнях. Недалеко от Калгана (Чжанцзякоу) Г. И. Унферцагту удалось осмотреть одну кумирню, где стояли и сидели верхом на лошадях высокие, высеченные из камня идолы. Они были раскрашены в красный, голубой, зеленый, черный и желтый цвета и позолочены. Идолы были вооружены копьями, луками и стрелами, саблями. Г. И. Унферцагта поразило сходство некоторых идолов с изображениями европейского черта. Сходство увеличивалось еще и тем, что многие из них были снабжены рогами и копытами [18, с. 54]. Во время утренних и вечерних богослужений, пишет Г. И. Унферцагт, китайцы падают ниц перед своими идолами, а затем кладут три земных поклона. Они зажигают длинные ароматные курительные свечи, ставят перед идолами бочки с зерном, кладут на алтарь жертвоприношения: еду, фрукты, сладости, различное питье.

Жрец читает молитвы, записанные на длинном свитке, и сопровождает свое чтение ударами в деревянную голову, пустую внутри. После прочтения молитв били три раза в колокол, висевший во дворе кумирни, снова три раза кланялись в землю и расходились. Богослужение заканчивалось [18, с. 159]. У А. Бранда также встречается описание кумирни в г. Калгане. Но оно менее красочно и более кратко [4, с. 199].

Приведенные выше сведения Г. И. Унферцагта о религии

говорят о том, что его как художника, очевидно, больше интересовала внешняя сторона религии, ее обряды, а не внутренняя ее суть.

В Пекине Г. И. Унферцагт неоднократно посещал театры и сообщает, что театров в Пекине много и что они очень вместительны (могут вместить 2—3 тыс. зрителей). Представления нередко продолжались с 10 час. утра до 10 час. вечера. Зрители сидят за столиками, едят, пьют в свое удовольствие и одновременно смотрят на сцену.

Играют в театре только мужчины, как молодые, так и старые. Молодые актеры часто переодеваются в женское платье и так удачно подражают женским уловкам, и так нежно поют, что зрителям трудно поверить в то, что перед ними переодетый мужчина. Актеры обычно одеты в старинные театральные костюмы. Музыка, сопровождающая представления, пишет Г. И. Унферцагт, не стоит особенных похвал. Она не отличается стройностью звучания: вдруг раздается трубный звук, звон колоколов, удары в литавры по 3 раза кряду, и внезапно 40—50 человек начинают петь на особый манер, кричат и воют так, что мороз пробирает по коже [18, с. 154].

Г. И. Унферцагту невозможно было понять содержание пьес из-за незнания языка. Но отдельные, поразившие его сцены он описывает подробно и красочно. Вдруг из отверстия на сцене «выскакивают люди с огненными лицами, мечущие громы и молнии, совсем как будто живые черти» [18, с. 155]. Или: «некто сидит в судилище, по сторонам его стоят свирепые солдаты, и он вершит правосудие» [18, с. 155].

При выходе из театра со зрителей взимается умеренная плата за еду и питье; за представление же денег не берут.

Во время приемов у императора Канси и других лиц, близких ко двору, также выступали актеры. Они пели, танцевали, декламировали стихи. Были и фокусники, у которых из маленького черного шелкового платка выползали змеи или сотнями вылетали воробы.

Один из фокусников, чтобы продемонстрировать свою ловкость, вскочил на стол с полным блюдом гороха в руке и тут же спрыгнул с ним вниз, не просыпав ни одной горошины. Акробаты в зеленых и красных шелковых одеждах совершали чудеса ловкости на белом войлоке, расстеленном на полу; они прыгали высоко вверх, так что «казалось, будто летят ракеты», кувыркались и т. п. Бойцы, вооруженные луками и стрелами, изображали сцену битвы. В общем, как отмечает Г. И. Унферцагт, это были актеры самого разного жанра, но «дело свое все они знали превосходно».

В записках И. Идеса [4, с. 195, 196, 225] и А. Бранда [4, с. 200, 201, 242—243] имеется описание представлений на приемах у знатных сановников, но оно не так полно. Кроме того, ни у одного из предыдущих авторов, затрагивавших эту тему, не при-

водится подробных сведений о представлениях в пекинских театрах.

Во время своего пребывания в Китае в январе 1721 г. Г. И. Унферцагт присутствовал на праздновании Нового года в загородной резиденции Канси (Юаньминюань), где был устроен фейерверк. Вот так описывает он это празднество.

Началось все с того, что на большой площади зажгли несколько тысяч разноцветных фонарей, украшенных флагами из тончайшего флера. Там стояло сооружение в виде буквы П, и к нему был прикреплен ящик с тройным дном и длинной веревкой. Рядом на столбах помещались изображения в виде стеновых часов, змей и драконов. Вдруг по натянутой веревке с шипением пробежал огненный дракон, поджег ее, быстро перелетел к соседним изображениям, поджег их, и в воздух взлетели тысячи ракет с таким страшным треском, что казалось, будто разразилась гроза. За это время веревка, висевшая на ящике с тройным дном, обгорела. Выпало первое дно, и в воздухе появилось изображение огненной виселицы с двумя повешенными. Огненная картина напугала Г. И. Унферцагту печальное зрелище в Европе, когда вешают воров. Между тем веревка догорела до второго дна; оно тоже выпало, и появилось изображение пагоды с семью уступами, причем видны были даже окна и цветные крыши. Казалось, что настоящая пагода повисла в воздухе. Целых полчаса горело изображение, пока остатки сгоревшей пагоды не упали на землю.

Выпало третье дно, и из ящика появились большие и маленькие фонари, сверкавшие тысячами красок. «Было совершенно непонятно,— пишет Унферцагт,— как в таком небольшом ящике могла поместиться такая уйма фонарей» [18, с. 110]. Фейерверк закончился тем, что в воздух взлетело еще несколько тысяч ракет.

Краткое описание празднования Нового года в Китае, продолжающегося обычно две недели, встречается у И. Идеса [4, с. 226, 228]. Более подробно и обстоятельно описал этот праздник Л. Ланг [5, с. 99—100]. Собственно говоря, Г. И. Унферцагт из всех обрядов, сопровождавших празднование Нового года⁵, описал только фейерверк во время праздника фонарей. Но его яркое, красочное описание позволяет нам образно представить празднование Нового года в старом Китае.

Великая китайская стена произвела на Г. И. Унферцагта, как и на всех других путешественников, огромное впечатление, и он ее подробно описывает [18, с. 65, 163, 164]. Мы не будем останавливаться на описании, так как у Н. Г. Спафария (11, с. 56—58), И. Идеса (4, с. 191—192), А. Бранда [4, с. 199] и Л. Ланга [17, л. 27] — идентичные описания. Скажем только, что Г. И. Унферцагта поразило то, что стена была выстроена в таких местах, куда, по его мнению, не могли проникнуть ни кошка, ни собака, ни тем более человек [18, с. 66].

Китайские города, отмечает Г. И. Унферцагт, по плану своей застройки — четырехугольные. Они обнесены толстыми стенами и рвами. По углам на стенах возведены высокие сторожевые башни. Улицы прямые, на них посажены красивые деревья. На главных улицах больших городов через каждые сто шагов находится караульня со стражей в 25 человек. Ночью они патрулируют, а днем «предотвращают возникновение раздоров» на улицах. Города буквально пестрят кумирнями и пагодами. Особенно много их в Пекине, причем одна лучше другой. Строят их обычно восьмиугольными, покрывают черепицей зеленого, желтого и красного цветов. На пагодах висят маленькие колокольчики, которые колышутся от ветра. На площадях около пагод и кумирен обычно много деревьев.

Императорский дворец в Пекине великолепен, описывает дальше Г. И. Унферцагт, вокруг расположены сады. В одном из них насыпана высокая искусственная гора, на которой посажены редкостные деревья; в другом — маленькое озеро с рыбами кроваво-красного цвета для забавы императора. Никто под страхом смертной казни не смеет их вылавливать.

Г. И. Унферцагт упоминает о селениях, выстроенных на воде, говорит о превосходном состоянии дорог в Китае и необыкновенно красивых каменных мостах через реки [18, с. 166].

Н. Г. Спафарий [11, с. 51, 75] и И. Идес [4, с. 206—207] также сообщают о превосходном состоянии китайских дорог и красивых каменных мостах.

Одеваются китайцы, пишет Г. И. Унферцагт, очень опрятно и красиво. Многие шьют одежду из шелка и атласа. Мужская одежда длинная, доходит почти до пола и обязательно с поясом. Сапоги и башмаки из черного атласа с толстой войлочной подошвой. Шляпы с острым верхом сплетены из тонкого тростника и украшены красным шелком или шерстью, выкрашенной в красный цвет. Справа на боку сабля, а также носовой платок и два кошелья. В одном положен табак, в другом помещается курительная трубка. Слева прикреплен белый шелковый бант, удерживающий нож и две продолговатые костяные или деревянные палочки для еды.

Цвет одежды обычно черный, фиолетовый, голубой, зеленый и т. д. Красный цвет — цвет духовенства, желтый — императорский. Траурная одежда белого цвета.

На одежде придворных, на груди и спине, имелись знаки, обозначавшие их звание и достоинство, например изображения птиц, слонов, львов, тигров, пантер и т. д. На головных уборах знатных придворных прикреплены павлиньи перья, а верх их увенчивал большой рубин.

У Н. Г. Спафария — сходное с Г. И. Унферцагтом сообщение о китайской одежде [11, с. 46]. О праздничной одежде чиновников с вышитыми золотыми драконами, львами и т. д. пишут И. Идес [4, с. 208] и Л. Ланг [17, л. 37].

Мы не будем останавливаться также и на описании Г. И. Унферцагтом китайской утвари (маленькие лаковые столики для еды, подушки для сидения, которые слуги всегда носят за своими господами, чаши из тончайшего фарфора для риса, костяные и деревянные палочки для еды и т. д.), так как оно совпадает с описаниями предыдущих путешественников.

Национальные китайские блюда: зажаренное и мелко нарезанное мясо, лакомства (варенье и печенье, померанцы, смоква, орехи и т. д., варенные в сахаре), фрукты и напитки (рисовая водка — тарасун или чай с поджаренной мукой и маслом) — также подробно описаны у И. Идеса, А. Бранда [4, с. 193—195, 207—208, 210—212, 224—225, 243] и Л. Ланга [17, л. 28, 32—33].

Более подробно, чем другие, Г. И. Унферцагт описал церемонию заваривания чая в китайском чайном доме, отметив при этом, что чай, как и другие напитки, пьют в Китае только горячим, так как считается вредным пить что-либо холодное. Церемония состояла в следующем: дают сразу две большие фарфоровые чаши; в одну кладут заварку и сразу заливают кипятком, а другая чаша подана, чтобы в нее слить настоявшийся чай, оставив заварку. Заварку снова заливают кипятком, а пока она настаивается, пьют чай из второй чаши. Чай пьют без сахара и выкуривают при этом трубку.

О нравах китайцев Г. И. Унферцагт сообщает следующее: китайцы очень трудолюбивы; даже в праздники они не отдыхают, а занимаются своими делами. Они очень любопытны, миролюбивы. Но если их вывести из терпения, то они очень мстительны.

Н. Г. Спафарий также отмечает трудолюбие китайцев, «что работают [они] так, что невозможно сказать...» [11, с. 38]. Любопытство как отличительную черту китайцев отмечает Л. Ланг. Однажды, пишет Л. Ланг, он и его спутники дожидались в Пекине на площади перед дворцом разрешения аудиенции у императора. Китайцы толпой окружили их и дергали то за парик, то за шляпу, а некоторые даже задирали кафтан, чтобы рассмотреть штаны и чулки [17, л. 29].

Подробное описание Г. И. Унферцагтом аудиенции у китайского императора и других лиц, близких ко двору, сходно с такими же описаниями Н. Г. Спафария [10, с. 447—451], И. Идеса, А. Бранда [4, с. 208—210] и Л. Ланга [17, л. 28, 30—33], но более яркое и красочное. По его запискам можно образно представить себе блестящие лаковые столы, желтые камчатные скатерти, золотые сосуды с яствами, накрытые желтыми полотенцами, яркую шелковую одежду придворных, вышитую золотом, сверкание драгоценных камней на троне императора.

Надо отметить, что книга Г. И. Унферцагта иллюстрирована превосходными гравюрами, как бы дополняющими его записки. С большим мастерством изобразил автор Великую китайскую

стену, китайца и китайку в национальных одеждах, китайских актеров в старинных одеяниях и т. д.

Находим мы любопытные сообщения Г. И. Унферцагта об охоте, не встречающиеся у других авторов. Очень красочно описывает он огромный императорский зверинец, расположенный недалеко от Пекина, куда на охоту на леопарда был приглашен Л. И. Измайлов. Сцена охоты описана следующим образом. Леопард находился за железной решеткой. Канси отдал приказ своим людям выпустить леопарда, чтобы предоставить возможность посланнику выстрелить. Выпущенный леопард начал кататься по земле. Л. В. Измайлов выстрелил, но ружье дало осечку. Тогда Канси послал ему собственное ружье. Леопард был ранен; разъяренная зверь кинулся со страшным ревом вперед, но тут его копьями добились слуги. Шкуру же подарили посланнику.

Канси очень любил охоту. В Пекине Г. И. Унферцагт видел лук Канси, натянуть который не мог никто, кроме императора. Кроме того, ему показали башню, выстроенную целиком из рогов серн, застреленных Канси во время охоты. Сообщение об этой башне можно проверить по китайским источникам.

В заключение следует сказать, что записи Г. И. Унферцагта имеют несомненную научную ценность. Он, как и другие представители русских посольств и миссий, вступал в непосредственные контакты с китайцами и лично их наблюдал. Записи Г. И. Унферцагта ценны еще и тем, что они принадлежат к числу первых печатных сведений о Китае.

И даже если некоторые известия Г. И. Унферцагта перекликаются с данными других авторов, то все же они отличаются большой индивидуальностью и самобытностью. «Китайская империя, куда почти все европейские государи отправляли значительные посольства, теперь полностью открыта,— пишет „в обращении к благосклонному читателю“ в начале своей книги Г. И. Унферцагт,— так что о состоянии в целом этого государства получено точное и избыточное знание. Но так как один почитал одно, другой другое за достопримечательность и, следовательно, у одного автора не встретишь того, чему другой посвятил много труда, то я наконец решил посвятить настоящие листы любопытному миру, не сомневаясь, что любопытный глаз в этих листах найдет нечто, о чем другие авторы или совсем умолчали, или затронули только мимоходом».

¹ О дальнейшей судьбе привезенных обоев точно не известно. В Государственном Эрмитаже в отделе Дальнего Востока хранятся образцы обоев (инв. № ЛИ-1120, ЛИ-1150), переданные после пожара Екатерининского дворца при Екатерине II. Вполне возможно, что это и есть обои, привезенные Г. И. Унферцагтом и затем Л. Лангом.

² Оценка сведений Унферцагта с точки зрения современной этнографии не входит в нашу задачу, так как эта тема требует специального исследования.

³ У Ф. Альгаротти [16, с. 80] мы находим следующее любопытное описание. Когда часы портятся, пишет Ф. Альгаротти, то китайцы говорят, что они умерли, и убирают их до прихода английского корабля. По приходе последнего они тотчас приносят «часы-покойника» и обменивают их на «живые», приплачивая или получая их в обмен. Англичане всегда держат на борту корабля часовщиков. Те легко воскрешают «покойников» и продают их снова, как только что привезенные из Англии.

⁴ У Н. Г. Спафария мы встречаем противоположное сообщение. В провинции Гуйчжоу, пишет он, люди по смерти отца или матери стригут свои волосы [11, с. 183].

⁵ Празднование Нового года в старом Китае длилось от трех дней до полумесяца и включало следующий цикл обрядов: малый Новый год, дни семейно-родственного единения, новогодние гостевания и праздники фонарей [7, с. 296].

1. Алексеева М. А. Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Автореф. дис. М., 1974.
2. Андреева В. Г. Андрей Матвеев. Русское искусство первой четверти XVIII века. М., 1974.
3. [Белл Д.] Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Ч. 1—3. СПб., 1776.
4. Казанин М. И. Записки о русском посольстве в Китай. М., 1967.
5. Ланг Л. Поденные записки о пребывании Л. Ланга, агента императора российского при китайском дворе в 1721 г.— «Северный архив». 1882, № 17.
6. ЛОА АН СССР, ф. Канцелярии АН, оп. 1, д. № 102.
7. Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
8. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году.— «Записки РГО по отд. этнографии». Т. 10. Вып. 1. СПб., 1882.
9. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. М., 1969.
10. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М., 1978.
11. Спафарий Н. Г. Описание первая части вселенная именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910.
12. Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.
13. Чулков М. Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной гос. империи Петра Великого и ныне благополучно царствующей Екатерины Великой. Т. 3. Кн. 2. М., 1785.
14. Шафрановская Т. К. Дневники Лоренца Ланга как историко-этнографический источник. Автореф. дис. Л., 1972.
15. Шафрановская Т. К. Сведения о Сибири и Монголии в дневниках Лоренца Ланга.— «Страны и народы Востока». Вып. 8. М., 1969, с. 40—53.
16. Algarotti F. Lettres du comte Algarotti sur le Russie. Traduites de l'Italien. A Londres; Et se trouve à Paris 1769.
17. Lange L. Reise nach China. Deutsches Zentralarchiv, Abteilung Merseburg. Rep. 94 IX, D. 2, с. 1—87.
18. Die Gesandtschaft Ihre Kaiserl. Majest. von Gross-Russland an den Sinesischen Kaiser, wie solche Anno 1719 aus St. Petersburg nach der Sinesischen Haupt- und Residenz-Stadt Peking abgefertigt; Bei dessen Erzelung die Sitten und Gebräuche der Chineser Mongalen und andere Tartarischer Völker zugleich beschrieben, und mit einigen Kupffer-Stücken vorgestellt werden, von Georg Yohann Unverzagt. Lübeck. Bei Yohan Christian Schmidt, 1725; Ratzeburg, 1727.